

ИСТОРИЯ

УДК 930

С.А. Абселемов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОЛОНИЗАЦИИ СТЕПЕННОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассмотрен процесс становления историографической традиции изучения аграрной колонизации Степного края. Выявлены этапы развития историографии вопроса в границах постсоветского научного пространства. Охарактеризован интеллектуальный и социокультурный контекст формирования исследовательских практик и подходов к осмыслению имперской инкорпорации степных областей Азиатской России в составе империи. Раскрыты механизмы реакции российского научного сообщества, в рамках проблемы, на «вызовы» времени: рост национального самосознания в суверенных государствах и изменения в методологии исторической науки.

Ключевые слова: историографическая традиция; дискурс; аграрная колонизация; империя.

Становление современной российской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX вв. происходило в сложных социокультурных, экономических и общественно-политических условиях. Рубеж XX–XXI столетий стал не только временем крушения «советской империи», которое сопровождалось обретением политической и национальной независимости республик, долгие годы составлявших СССР, своеобразным «парадом суверенитетов», но и глубинным кризисом исторического знания и исторической науки.

Согласно логике Т. Куна, ситуация кризиса в науке определяется невозможностью объяснения явлений исторического порядка с опорой на существующие практики и методологические подходы [1]. Совершенно очевидно, что марксистско-ленинские (позитивистские) формулы, предлагавшие рефлексировать российский колонизационный процесс в системе координат «прогресс–отсталость», стремительно теряли актуальность и жизнеспособность. Более того, в условиях имперского распада и стремительного подъёма национальной идентичности в бывших советских республиках, в частности в Республике Казахстан, осмысление вопросов, связанных с практиками аграрной колонизации, медленно, но верно становилось невозможным в формате старой имперской терминологии «абсолютного» или «относительного зла». Российский историк Л.П. Репина, оценивая историографическую ситуацию конца XX – начала XXI в., её потенциал и перспективы, констатировала: «Не остаются незамеченными в современной историографии и те изменения, которые происходят в области общественно-исторического сознания, исторической эпистемологии и рефлексивной (наукovedческой, философской, социологической и т.д.) реконцептуализации самого исторического знания; трансформации познавательных возможностей исторической науки. По сути, речь сейчас идет о формировании нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить свершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентристскую перспективу, о создании в этом свете новой исторической культуры и нового образа исторической науки» [2. С. 8].

Тем не менее влияние долгосрочной, идеологически обоснованной и устоявшейся историографической

традиции, выработанной в предшествующий период, продолжало остро ощущаться в 1990-е гг. Во всяком случае, тезис о том, что вхождение в состав Российской империи национальных окраин являлось благом для их народов, активно отстаивался на конференциях, симпозиумах, круглых столах, репрезентировался на страницах ведущих изданий [3. С. 9]. По утверждению одного из участников «круглого стола», проведённого в 1992 г. журналом «Политические исследования» С.Б. Ерасова, включение в состав Российской империи новых территорий, в том числе Степного края, не сопровождалось официальной установкой на ассимиляцию, изменение системы управления, насильственную ликвидацию традиционных способов ведения хозяйства, религии и языка «иностранцев» [4. С. 26].

Относительная стабильность традиционных схем в оценке причин, содержания и результатов аграрной колонизации степных областей Зауралья, в основе которых располагалась концепция о добровольном включении региона в состав Российской империи, объяснялась не только историографической инерцией, но и реакцией имперского исторического сознания на текущую политическую и идеологическую ситуацию в Республике Казахстан начала 1990-х гг. Объективно, в условиях смены идеологической парадигмы, вопросы колонизации Степного края становились частью проблемы российско-казахстанских отношений, фактором исторической политики Российской Федерации и Республики Казахстан. Стоит напомнить, что исследования различных аспектов колонизации окраин Российской империи уже в 1950–1960-х гг. были «передоверены» национальным научным кадрам, до поры до времени поддерживавшим идеологические установки «советской империи» о добровольном и прогрессивном характере присоединения к России.

Однако уже в начале 1990-х гг., во многом усилиями национальной казахстанской публицистики, в оценке российской колонизации были реанимированы основные положения концепции «абсолютного зла», получившие обоснование и в официальной историографии Республики Казахстан. Академик Национальной Академии наук, профессор М.К. Козыбаев сформулировал официальный взгляд на историю Казахстана в составе Российской империи предельно ясно: «Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина,

Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм – антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабёж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению» [5. С. 46].

Показательно, что реакция части научного сообщества российских историков на подобную позицию иногда приобретала форму гипертрофированной политоректорности. Так, омский историк Н.В. Греков, характеризуя взаимоотношения русских крестьян-переселенцев с коренным населением Степного края, утверждал, что с ростом миграционного контингента «обострялась и без того напряжённая ситуация во взаимоотношениях крестьян с коренным населением...», что являлось почвой для существования антирусских настроений... Мигранты... смотрели на кочевников как на низшие существа... а казахи видели в переселенцах кровных врагов» [6. С. 141].

Всё это в совокупности свидетельствовало о серьёзном методологическом кризисе историографической традиции вопроса, консервации исследований в границах концепций «абсолютного и наименьшего зла», «добровольности и прогрессивности» присоединения Степного края к России. Характерно, что многие представители российской аграрной историографии 1990-х гг., попав под «обаяние» открытой публицистической полемики, элиминировались из исследовательского пространства аграрной колонизации. Оставшиеся, предпочли сосредоточиться на разработке социально-экономических аспектов истории вопроса, детально осваивая проблемы перехода «инородцев» от кочевого способа производства к оседлому.

Доминанция подобной историографической практики просуществовала до середины 1990-х гг., когда намелились отчётливые признаки выхода из исследовательского тупика.

Одним из важных условий преодоления историографического коллапса стали доступность и распространение в научной среде исследовательских проектов западных историков, разрабатывавших имперскую проблематику. Одним из «пионеров» направления «новая имперская история» являлся американский историк Сеймур Беккер, ещё в 1968 г. написавший работу, посвящённую российским протекторатам в Центральной Азии. По констатации С. Беккера, Россия, будучи объектом западной экспансии и лишь частично вестернизированной страной, по отношению к колонируемыми соседям позиционировала себя как Запад к своим заморским соседям, т.е. как государство, чьё технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва. Комментируя колониционный опыт России, С. Беккер подчёркивал, что централизованная манера управления в Российской империи, распространявшаяся и на окраины, в условиях огромных расстояний могла корректироваться и сопровождаться такой долей терпимости к разнообразию местных обычаев, которая позволяла осуществлять поддержание правопорядка, сбор налогов и набор рекрутов. При этом экспансия в восточ-

ном и южном направлении за счёт неевропейских народов (Сибирь и Степной край) сопровождалась русской крестьянской колонизацией малонаселённых земель и ускоренным распространением российских политических институтов и практик во вновь приобретённых землях [7. С. 76–77].

Знаковую роль в переформатировании российской историографической традиции аграрной колонизации сыграли труды австрийского историка Андреаса Кеппелера. Имперский нарратив в работах А. Каппелера занял центральное место в научных публикациях начала 1990-х гг. Ещё в 1992 г. Кеппелер предпринял оригинальную попытку общего обзора истории полиэтнической Российской империи, преследуя цель поместить проблемы отдельных национальностей и сам процесс распада Советского Союза в широкий исторический контекст. Для более глубокого понимания советской полиэтнической империи, её наций и этнических групп, их стремления к эмансипации от центральной власти, автор полагал важным обращение к предыстории этих процессов. А. Кеппелер пришёл к заключению, что структуры полиэтнической империи, образцы взаимоотношений центра и периферии и межэтнических контактов складывались в ходе столетий. Подобным же образом национальная идентичность и национальное самосознание являлись продуктами длительного развития и находили свое основание преимущественно в истории [8]. Автор на широком источниковом материале выявил и обосновал специфику российского колониализма, определив движение России в казахские степи как «шаг за шагом» («step by step»), утверждая, что Россия изначально и поступательно осуществляла свой восточный проект. Андреас Каппелер в своей фундаментальной монографии, по сути, предложил перспективную модель наднациональной, полиэтнической, традиционалистской (до-модерной) Российской империи, что позволяет компенсировать русоцентричный, национально-государственный взгляд, с одной стороны, и зауженную перспективу национальных историографий – с другой [8. С. 54–57].

Идеи и подходы А. Каппелера, исключавшие шовинистические и националистические конструкты в исторических исследованиях азиатских территорий, быстро прививались в региональной сибирской и национальной казахстанской историографии, чему немало способствовала политическая ситуация экономического, политического и культурного сотрудничества РФ и Казахстана, в котором важная роль отводилась коммуникации российской периферии с сопредельными государствами. Одним из таких примеров стал опыт организации совместных научных конференций, имевших в новых условиях статус международных [9], продуктивность которых обеспечивалась сохранением в сибирском регионе научных центров, ранее осваивавших аграрно-колониационную проблематику (СО РАН, ОГУ им. Достоевского, ОмПИУ).

Как позитивный момент, следует отметить то обстоятельство, сообразно с которым внедрение исследовательских практик «новой имперской истории» в контекст научной рефлексии колониционных про-

цессов соотносилось по времени с антропологизацией исторической науки, становлением междисциплинарного подхода и активного использования историками теоретических принципов и концепций сопредельных наук: социальной психологии, географии, демографии, политологии, социологии. Смещение локуса интереса учёных от описательно-повествовательной, событийной модели интерпретации исторического процесса к вскрытию состояний и особенностей поведения индивида в истории, привело к расширению тематической палитры исследования вопросов, которые казались хорошо освоенными и исчерпанными. Так, на рубеже 1990–2000-х гг., фактом историографии становится пристальное внимание историков Сибири и Степного края к проблемам взаимоотношений коренного и пришлого населения регионов в контексте аграрной колонизации, что переместило исследовательские акценты от изучения традиционных структур хозяйственной и политической жизни к осмыслению моделей и стереотипов поведения отдельных людей, социальных и этноконфессиональных групп [10, 11].

В кандидатской диссертации М.К. Чуркина проблема взаимоотношений и взаимодействия коренного населения и мигрантов рассматривалась в контексте теорий культурной конфигурации и культурных типов. Расшифровывая причины конфликтов и прямой конфронтации между мигрантами и «инородцами» степных областей, автор пришёл к выводу, в соответствии с которым, во-первых, культуртрегерские притязания русских крестьян в регионе были существенно преувеличены в исследовательской литературе второй половины XIX–XX вв.; во-вторых, принадлежность переселенцев и автохтонов к традиционному (патриархальному) типу культуры лишь в начальный период водворения и обустройства мигрантов в областях кочевого скотоводства провоцировала конфликты, которые в дальнейшем часто трансформировались в продуктивные производственные контакты, культурное взаимодействие, сопровождаемое влиянием «инородцев», выработавших набор приёмов, методов и способов выживания в экстремальных условиях [12]. Об экономическом сотрудничестве и смене типа хозяйственной деятельности при сохранении этничности казахов в Степном крае доказательно писала в своих работах Е.В. Карих. По мнению автора, с русскими крестьянами после первоначального отчуждения и неприязни казахи образовывали экономический симбиоз, основанный на оседлом скотоводстве и земледелии [13. С. 24].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг., с ростом влияния и популярности имперского нарратива в региональных исторических исследованиях, начинает активно разрабатываться тема административно-правовой политики Российской империи на восточных окраинах. Обращение к имперской проблематике в этот период являлось не только следствием формирующихся новых теоретических подходов, но, главным образом, политической ситуации. Распад Советского Союза привел к научной дезинтеграции между республиками, спровоцировал серьёзный вакуум в изучении отдельных аспектов их истории. Данная тенденция отчётливо проявилась в

отношениях Российской Федерации и Республики Казахстан. Во многом поэтому имперская проблематика, её институциональные характеристики и формы реализации на российском геополитическом пространстве становятся важнейшими исследовательскими сюжетами в сибирской исторической регионалистике. Работы А.В. Ремнёва, В.С. Дякина, И.Л. Дамешек, М.В. Шиловского, С.И. Каспэ, Д.В. Кузнецова, А.П. Толочко, Е.В. Безвиконой, О.Е. Сухих, А.А. Кузьмина и других ученых дают реальную возможность составить представление об имперском контексте аграрной колонизации Степного края, принципах и практиках национальной и окраинной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX в., организации регионального управления в империи. При этом для означенной группы авторов характерным является стремление к уточнению и расширению понятия «империя» как особого типа политической организации [14].

В рассматриваемый период происходит окончательное утверждение имперского подхода к оценке колонизационных процессов в Российской империи, что материализовалось в тотальной аккомодации исследовательских практик «новой имперской истории» к изучению сложных явлений инкорпорации Степного края в социокультурное пространство России. Своеобразной «лабораторией», специализирующейся на многоаспектной имперской истории и географии, в начале 2000-х гг. становится научная школа ОГУ им. Достоевского, возглавляемая А.В. Ремнёвым. Решающим фактором формирования историографической школы, в системе координат которой плодотворно осваивались актуальные вопросы колонизации степных областей Зауралья, стало отчётливое стремление к преодолению региональной замкнутости научного сообщества Сибири, что наглядно проявилось в сотрудничестве А.В. Ремнёва с коллективом и авторами издания *Ab Imperio*, предложивших на рубеже XX–XXI вв. иную, отличную от позитивистской, модель рефлексии «имперскости».

В 2007 г. А.В. Ремнёв включился в разработку исследовательского проекта «Окраины Российской империи», став членом редколлегии издания и одним из авторов первого обобщающего научного труда по истории Зауралья, написанного в масштабах имперского нарратива и в риторике имперского дискурса [15]. Приверженность качественно новому подходу к исследованию имперских и национальных составляющих российской колонизации оказалась зафиксирована уже во вводной части коллективной монографии: «Имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией... неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти. Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерус-

ских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план [15. С. 5].

В этой связи центральное место в монографии занимает вопрос о национальных аспектах колонизационной политики Российской империи на восточных окраинах. Подчёркивая особый статус окраинных территорий, авторы (А.В. Ремнёв, И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский) пришли к ряду концептуальных выводов, определивших динамику и содержание исследования аграрной колонизации Степного края в исторической литературе 2000-х гг.

Во-первых, империя, включая в свой состав ту или иную территорию на Востоке, начинала её властное освоение и интеграцию в имперское политико-административное пространство, используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Западную Сибирь и Оренбургский край – для Казахской степи и Средней Азии) [15. С. 20].

Во-вторых, одним из важнейших компонентов реализации имперских проектов на окраинах являлась «политика населения», сообразно с принципами которой государство активно вмешивалось в этнодемографические процессы, манипулировало этноконфессиональным составом населения для решения военно-мобилизационных задач. С этой целью империя направляет на свои восточные окраины русских переселенцев, которые осознают себя форпостом России, субъектами колонизации и проводниками идеи о том, что зауральские земли не просто освоены экономически, но и заселены однородным и единоверным с Россией населением [15. С. 63–64].

В-третьих, коренное население Зауралья регулярно находилось в эпицентре имперских административно-управленческих практик, которые эволюционировали от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу, что в конечном итоге привело к слиянию и взаимодополнению в имперской политике стратегических задач экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири и сопредельных регионов в состав национального Российского государства [15. С. 243].

Погружение в тему колонизации сориентировало исследовательский опыт А.В. Ремнёва в направлении проблем «внутреннего империализма» как дискурса и идеологии, при этом были активно задействованы материалы по аграрному освоению Степного края. В своих соображениях А.В. Ремнёв отталкивался от положения, сформулированного им ещё в 2002 г., сообразно с которым «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи – это ещё и сложный процесс превращения Сибири в Россию...» [16. С. 102]. Учёный сформулировал важную идею о том, что забота о крестьянах-переселенцах, распространение передовой культуры на окраины, просвещение «инородцев» могли выполнить серьёзную идеологическую задачу: в известной степени примирить

народнически настроенную интеллигенцию с имперской политикой, которую она подвергала критике уже в рамках социального дискурса, упрекая власти в недостаточной помощи и неорганизованности землепользования. Но сами русские переселенцы, при такой высокой миссии, возлагаемой на них, мало подходили на роль культуртрегеров [17. С. 5–6].

Выбранный А.В. Ремнёвым исследовательский вектор, предполагавший обращение к дискурсам – властному, общественно-политическому, «инородческому», крестьянскому, казачьему, в известной мере способствовал обоснованию бесплодности и научной бесперспективности историографической традиции, в рамках которой имперские практики на окраинах оценивались в форматах «абсолютного зла» или блага. Дело не только в том, что им были поставлены и отчасти разрешены вопросы, ранее не актуальные или закрытые в российской историографии, о способах и принципах структурирования властью пространства империи, национальной политике на окраинах, использовании и перенесении управленческого опыта с одних окраин на другие и т.д. Важным стало хорошо аргументированное утверждение, позволяющее понять, что практики доминирования и принуждения, имманентно присущие моделям имперской организации пространства, превращали всё население этих территорий в объект государственной колонизации, субалтернов империи. В этой связи в эпицентре исследовательских штудий А.В. Ремнёва, в период с 2007 по 2010 г., оказался широкий круг сложных вопросов, ранее не входивших или «стыдливо» замалчиваемых в историографии: колонизация и «обрушение» азиатских окраин, роль крестьянского переселения в их «слиянии» с Россией, седентеризация кочевников и русский крестьянин как земледельческий «инструктор» и образец оседлого и «цивилизованного» образа жизни, имперские и национальные сценарии крестьянской колонизации второй половины XIX – начала XX в., имперская идеология «внутреннего» империализма и проект «большой русской нации», «культурное бессилие» русского крестьянина-переселенца, низкие социокультурные и хозяйственные адаптивные способности переселенцев, забота об имидже русского крестьянина в глазах инородцев, «объинородничанье» русских в Азиатской России и т.д. Все эти вопросы получили фрагментарную оценку в авторских и совместных (с Н.Г. Суворовой) проектах исследователя, завершившихся уже после смерти историка [18].

Одной из значимых заслуг А.В. Ремнёва, с точки зрения «перезагрузки» историографического прочтения сюжетов аграрной колонизации окраин, в том числе и Степного края, стало внедрение в научный оборот сибиреведения новых методологических понятий: в контексте содержательных аспектов управления регионом – «внутренний империализм», о котором уже упоминалось выше, и «постколониальность», запечатлевшая дискурсивные аспекты рефлексии колонизированных в прошлом народов. В определении А.В. Ремнёва «постколониальность – это не просто после колониализма, это еще и особый способ интерпретации современности, в которой бывший (если

даже и проблемный с точки зрения признания его существования) колониализм выполняет важную мобилизующую функцию. “После” не всегда означает “вследствие”, а может быть воспринято как “следующее” за чем-то. Префикс пост – не только указание на временную последовательность; он, главным образом, служит обозначением желания переосмыслить и преодолеть ограниченность “великих нарративов” либерализма, марксизма, колониализма и модернизации, способом уйти от универсалистского европоцентризма с его жесткими оппозициями типа “Запад – Восток”, “цивилизованный – нецивилизованный” и найти свой язык самоописания и альтернативные “деколониализированные” методологии» [19. С. 171–172].

Очевидно, что использование маркировки «постколониальные исследования», определяемые как совокупность методологически и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, осознающих себя в едином контенте критических проектов и программ, направленных на преодоление последствий экономической, политической, но прежде всего культурной и интеллектуальной зависимости «незападного мира» от «западных» образцов и прототипов, создавало перспективы для компромисса российского и казахстанского сегментов историографии аграрной колонизации Степного края, ставило русский и казахский народы в равные условия «покорённых» империей.

Особенностью формирующейся историографической ситуации стала общая тенденция к преодолению исследовательского схематизма в оценке аграрной колонизации степных областей во второй половине XIX – начале XX в. Для данного процесса являлось характерным сочетание традиционных и инновационных подходов к осмыслению широкого спектра вопросов причинно-следственного свойства, раскрывающих содержание, логику и реализацию имперских колониальных сценариев. Так, предметом исследовательского интереса становятся темы изменения политического статуса кочевничества в контексте его интеграции в пространство модернизирующейся империи, формирования и эволюции нормативно-правовой базы переселенческой политики в связи с аграрными мероприятиями в Степном крае [20], разработки принципов административной политики в сфере начального образования «инородцев» [21], реализации практик административного и судебного реформирования в степных областях [22], установления факторов конфликтности старожилов, новосёлов и «инородцев» Азиатской России в условиях принимающего общества [23], осуществления конфессиональной политики в казахской степи [24], оценки роли правительственных и общественных экспертов в аграрной колонизации Степного края [25, 26].

В последнее десятилетие в оценке российского имперского опыта окончательно утвердился концепт «внутренняя колонизация», обсуждаемый за пределами традиционных схем отечественного колониационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в., в центре которого располагались практики хозяйственного освоения и административного управления

подведомственными государству территориями. В работах А. Эткінда, Д. Уффельманна, И. Кукулина и других исследователей, оформилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. В основе концепта лежит идея об особом типе отношений между государством и подданными, в границах которого государство воспринимает их как покорённых в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра [27. С. 13; 28]. Всё это позволяет утверждать, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант сложного доминирования, составляющими которого являлись культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ [28. С. 18–19]. Симптоматично, что задачи колониального принуждения в такой системе осуществлялись в интересах безопасности империи, а также поиска ресурсов обеспечения её устойчивости.

О влиянии постколониальной теории и постколониальных исследований на российскую историографическую традицию аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX в. красноречиво свидетельствует содержание научно-исследовательских работ и заявленных в них подходов в последние годы.

Отличительным признаком исследовательских подходов современных авторов, разрабатывающих тематику аграрной колонизации Степного края, является перемещение акцентов с сюжетных линий колониационного процесса к дискурсивным его составляющим, что открывает видимые перспективы в поисках ответа на вопрос о механизмах имперского управления в России и на окраинах, экспертах и акторах колонизации. Так, по констатации М.К. Чуркина, в условиях аграрного освоения степных пространств Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. рельефно отразилось соперничество дискурсов, интеллектуальное поле которых по большому счёту структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где дискурсы – властный и общественный – репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов [29. С. 62–64]. По мнению исследователя, стартовый период включения территорий Степного края в значительной мере усилил противостояние в российском обществе областного варианта инкорпорации новых территорий в имперский контекст (Н.М. Ядринцев, П.М. Головачёв и др.) и проекта «большой русской нации» М.Н. Каткова. В процессе конфронтации дискурсов, в которые неизменно включалась центральная и региональная бюрократия, выработывался имперский проект аграрной колонизации степных областей региона, определяя нормативно-правовую систему координат, направленную на вовлечение территорий в канву империи, а также государственную политику, реализуемую в практических мероприятиях властей [29. С. 63]. Автором было установлено, что влияние властной

(имперской) составляющей аграрной колонизации окраин, в частности Степного края, во второй половине XIX – начале XX в., существенно амортизировалось и корректировалось общественным мнением, составленным на основании научной экспертизы степных пространств, в результате чего на рубеже XIX–XX вв. окончательно оформились два подхода к оценке возможных вариантов аграрной колонизации региона: прогрессивное и сдержанное, в системе координат которых центральные и региональные власти пытались обнаружить оптимальные пути инкорпорации региона в общеимперский конструкт [30. С. 207].

В парадигме «новой имперской истории» оцениваются содержательные аспекты аграрной колонизации Степного края в работах Б.С. Токмурзаева [31], предметом исследовательских усилий которого стало освоение содержания либерального, консервативного и властного дискурсов по вопросу формирования имперских проектов и практик аграрной колонизации степных областей. В результате автором были реконструированы представления власти и общества о потенциальных возможностях, долгосрочных перспективах и способах включения региона в общеимперское пространство, сделан важный вывод, о том, что в конце 1870-х гг. происходит переопределение имперскими властями главного субъекта колонизации, в качестве которого позиционировалось крестьянство. По справедливому замечанию автора, данный факт не только способствовал активизации переселенческого движения и аграрному освоению региона, но и росту социальной конфликтности в областях, отличавшихся заметной этнической и конфессиональной гетерогенностью. Б.С. Токмурзаев приходит к заключению, сообразно с которым имперские проекты аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. стали продуктом совместной деятельности власти и общества. В реальных обстоятельствах колонизационного процесса и в практической деятельности центральной, региональной и местной власти, проекты земледельческого освоения степных областей приобрели отчётливые признаки концепции «внутреннего империализма», что выразилось в формировании форсированной модели включения территорий Степного края в общеимперское пространство.

Таким образом, можно констатировать, что процесс становления современной российской историографической традиции аграрной колонизации Степного края вмещается в несколько этапов, хронология и содержание которых определяются влиянием условий политического, социокультурного и интеллектуально-контекстов.

Для стартового периода новейшей отечественной историографии, охватившего первую половину 1990-х гг., было характерно сохранение исследовательской инерции и подходов в оценке аграрно-колонизационных мероприятий Российской империи в Степ-

ном крае. Однако в новых политико-идеологических обстоятельствах, связанных с распадом СССР, обретением бывшими советскими республиками суверенитета, ростом и укреплением национальных идентичностей, сложившаяся в советской историографии концепция о добровольном характере присоединения степных областей к России не только потеряла свою актуальность и стала объектом жёсткой критики, но и являлась поводом для эскалации национальных и межгосударственных конфликтов.

В собственно научном плане, в начале 1990-х гг., сама возможность проведение масштабных изысканий в сфере аграрного освоения степных территорий оказалась купирована, что в известной степени было предопределено форматом организации исторической науки в СССР, особенно в той её части, которая выполняла идеологические задачи в сфере национального вопроса. Очевидно, что история окраин и национальных меньшинств империи в дореволюционный и советский периоды являлась «подчинённым знанием», которое формировалось и внедрялось российскими учеными, создававшими легитимные интерпретации исторического процесса, и которое становилось фундаментом национальных историй.

В условиях государственной независимости тема аграрной колонизации в национальных республиках, в частности Республике Казахстан, стала предметом напряжённой и довольно одиозной публицистической полемики, в которой колонизационные сюжеты репрезентировались в качестве национальной травмы. Реакцией российской историографии вопроса, в сложившихся обстоятельствах, сопровождаемых ситуацией методологического кризиса, стали политкорректность и молчание.

Второй этап институционализации российской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX в. (середина 1990-х гг. – 2016 г.) ознаменован внедрением западных исследовательских концепций в методологический контекст российской исторической науки. Данный процесс проходил в условиях благоприятного политического, социокультурного и научного фона, признаками которого являлись деидеологизация научного знания, использование принципов междисциплинарности в рефлексии аграрно-колонизационных процессов в России. Обращение к теориям и практика «новой имперской истории» создали позитивные предпосылки для расширения горизонтов научного познания и выхода за пределы узких границ регионального подхода в исследовании аграрной колонизации окраин, что подтверждается формированием тенденции, в рамках которой происходят переосмысление традиционных, идеологически навязанных советских концепций, примирение и конструктивное взаимодействие российского и казахстанского сегментов историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
2. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2012.
3. Национальное государство: теория, история, политическая практика // Политические исследования. 1992. № 5–6.

4. Ерасов Б.С. Социальная культурология : в 2 ч. М. : Аспект-Пресс, 1994. 238 с.
5. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 кн. Алматы, 2000. Кн. 1.
6. Греков Н.В. К вопросу о характере взаимоотношений переселенцев и кочевников-казахов на территории Степного края в начале XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. : материалы междунар. науч. конф., 19–21 марта 1996 г. / [редкол.: Л.М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]. Новосибирск : Б. и., 1996. С. 136–147.
7. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / под ред. И.В. Герасимова, А.П. Капдуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 67–81.
8. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. : Традиция; Прогресс-традиция, 2000. 344 с.
9. Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл. : тез. докл. и сообщ. / редкол.: Н.Н. Бревнова, А.И. Казанник, А.В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск, 1998. 223 с. и др. годы (2001, 2003, 2005, 2007).
10. Шиловский М.В. Некоторые вопросы взаимоотношений русских и казахов в Степном крае (XVIII – начало XX вв.) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл. : тез. докл. и сообщ. / [редкол.: Н.Н. Бревнова, А.И. Казанник, А.В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск : [б. и.], 1998. С. 14–17.
11. Томилов Н.А. Процессы этнокультурного взаимодействия казахов и русских юга Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XX вв. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл. : тез. докл. и сообщ. / [редкол.: Н.Н. Бревнова, А.И. Казанник, А.В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск : [б. и.], 1998. С. 18–20.
12. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 239 с.
13. Карих Е.В. Межэтнические отношения казахов и русских на линии южно-сибирской границы // Европейские исследования в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт» 6–8 февраля 2001 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 21–25.
14. Ремнёв А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С. 79–85.
15. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
16. Ремнёв А.В. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002. С. 96–115.
17. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
18. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
19. Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.
20. Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 26 с.
21. Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 25 с.
22. Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.
23. Алишина Г.Н. Старожилы, «инородцы» и новосёлы Азиатской России в конце XIX – начале XX века: факторы конфликтности // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 86–91.
24. Любичанковский С.В. Политика оренбургской администрации по исламизации казахской степи и причины ее изменения в 1860-х гг. // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С. 112–121.
25. Суворова Н.Г. Православные эксперты о степном колонизаторе // *Азиатская Россия: люди и структуры империи* : сб. науч. тр. Омск : Полиграфический центр «КАН», 2016. С. 427–433.
26. Скопа В.А. Выдающиеся статистики Степного края последней трети XIX – начала XX вв.: роль личного фактора в проведении статистических обследований и социокультурном изучении региона // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 164–170.
27. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
28. Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
29. Чуркин М.К. Исследовательские практики «новой истории империи» в научной рефлексии аграрной колонизации Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Десять научных чтений памяти профессора А.П. Бородавкина : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 62–64.
30. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 196–207.
31. Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 августа 2019 г.

Modern Russian Historiography of Colonization of the Steppe Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 108–116.

DOI: 10.17223/15617793/452/13

Serikhan A. Abselemov, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

Keywords: historiographic tradition; discourse; agrarian colonization; empire.

Based on studies of the agricultural colonization of the steppe region in the post-Soviet period, the article outlines the key approaches of the Russian historiographical tradition, which enshrines the principles of scientific reflection in the evaluation of the Imperial Russian experience in the second half of the 19th century. The study identifies the stages of formation, development and evolution of the historiographical tradition of the question due to the influence of different contexts in the 1990s–2000s. It is established that the initial period of Russian historiography (second half of the 1990s) was characterized by preserved inertia research in the evaluation of the agrarian-colonial activities of the Russian Empire in the steppe region. With the disintegration of the Soviet Union, the Soviet historiography concept of the voluntary nature of the steppe region's annexation by Russia ceased to be relevant

and was roundly criticized. In the early 1990s, it was not possible to conduct research in the field of the agricultural development of the steppe region, which was predetermined by the format of the organization of historical science in the USSR. The history of the borderlands and national minorities of the Empire in the pre-revolutionary and Soviet period was a “subordinate knowledge” which was formed and disseminated by Russian researchers. In the context of state independence, the agrarian colonization in the Republic of Kazakhstan became a subject of sharp controversy, in which colonization was presented as a national trauma. In the methodological crisis of the time, the reaction of Russian historiography on this issue was political correctness and silence. The second phase of the institutionalization of the Russian historiography of the agrarian colonization of the steppe region (mid-1990s–2016) was marked by the introduction of Western research methodological concepts in the context of Russian historical science. This process occurred in a favorable sociocultural and scientific background, the signs of which was the ideologization of scientific knowledge, interdisciplinarity in the coverage of agrarian and colonization processes in Russia. The theory and practice of “new imperial history” created prerequisites for expanding the horizons of scientific knowledge and going beyond the regional approach to the study of agricultural colonization of the borderlands, which contributed to the constructive interaction between the Russian and Kazakh historians.

REFERENCES

1. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: Progress.
2. Repina, L.P. (2012) Situatsiya v sovremennoy istoriografii: obshchestvennyy zapros i nauchnyy otvet [The Situation in Modern Historiography: A Public Inquiry and a Scientific Answer]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya. Teorii, metody, perspektivy* [Historical Science Today. Theories, Methods, Prospects]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
3. Tolstykh, V.I. et al. (1992) Natsional'noe gosudarstvo: teoriya, istoriya, politicheskaya praktika [The National State: Theory, History, Political Practice]. *Politicheskie issledovaniya – Political Studies*. 5–6.
4. Erasov, B.S. (1994) *Sotsial'naya kul'turologiya: v 2 ch.* [Social Culturology: In 2 Parts]. Moscow: Aspekt-Press.
5. Kozybaev, M.K. (2000) *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski: v 2 kn.* [Kazakhstan at the Turn of the Century: Reflections and Searches: In 2 Books]. Book 1. Almaty: Gylym.
6. Grekov, N.V. (1996) [On the Nature of the Relationship Between Immigrants and Nomadic Kazakhs in the Territory of the Steppe Region at the Beginning of the 20th Century]. *Narodonaselencheskie protsessy v regional'noy strukture Rossii XVIII–XX vv.* [Population Processes in the Regional Structure of Russia in the 18th–20th Centuries]. Proceedings of the International Conference. 19–21 March 1996. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 136–147. (In Russian).
7. Bekker, S. (2004) Rossiya i kontsept imperii [Russia and the Concept of Empire]. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postssovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii. pp. 67–81.
8. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia: A Multinational Empire. Emergence. History. Collapse]. Moscow: Traditsiya; Progress-traditsiya.
9. Brevnova, N.N. et al. (eds) (1998) *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.)* [The Steppe Region: A Zone of Interaction Between the Russian and Kazakh Peoples (18th–20th Centuries)]. Abstracts of the Conference. Omsk: [s.n.].
10. Shilovskiy, M.V. (1998) [Some Issues of Relations Between Russians and Kazakhs in the Steppe Region (18th – Early 20th Centuries)]. *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.)* [The Steppe Region: A Zone of Interaction Between the Russian and Kazakh Peoples (18th–20th Centuries)]. Abstracts of the Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 14–17. (In Russian).
11. Tomilov, N.A. (1998) [Ethnocultural Interaction of Kazakhs and Russians in the South of Western Siberia in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries]. *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.)* [The Steppe Region: A Zone of Interaction Between the Russian and Kazakh Peoples (18th–20th Centuries)]. Abstracts of the Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 18–20. (In Russian).
12. Churkin, M.K. (2000) *Vzaimootnosheniya pereselentsev i starozhilov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. v prirodno-geograficheskom, sotsial'no-psikhologicheskom, etnopsikhologicheskom aspektakh* [Relations Between Immigrants and Old-Timers of Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries in the Natural-Geographical, Socio-Psychological, Ethno-Psychological Aspects]. History Cand. Diss. Omsk.
13. Karikh, E.V. (2001) [Interethnic Relations of Kazakhs and Russians at the South Siberian Border]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri* [European Studies in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference Amerikanskiy i sibirskiy frontir [American and Siberian Frontier]. Tomsk. 6–8 February 2001. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–25. (In Russian).
14. Remnev, A.V. (1997) General-gubernatorskaya vlast' v XIX stoletii. K probleme organizatsii regional'nogo upravleniya Rossiyskoy imperii [Governor-General in the 19th Century. On the Problem of Organizing the Regional Administration of the Russian Empire]. *Vestnik Omskogo otdeleniya Akademii gumanitarnykh nauk*. 2. pp. 79–85.
15. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: NLO.
16. Remnev, A.V. (2002) Eshche raz o meste Sibiri v sostave Rossiyskoy imperii [Once Again About the Place of Siberia in the Russian Empire]. *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva v Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [Siberia at the Stage of Formation of an Industrial Society in Russia (19th – Early 20th Centuries)]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 96–115. (In Russian).
17. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennariy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: Izdatel'skiy dom “Nauka”.
18. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vekov* [Siberia in the Imperial Geography of Power of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: Omsk State University.
19. Remnev, A.V. (2011) Kolonial'nost', postkolonial'nost' i “istoricheskaya politika” v sovremennoy Kazakhstane [Coloniality, Postcolonialism and “Historical Policy” in Modern Kazakhstan]. *Ab Imperio*. 1. pp. 169–205. DOI: 10.1353/imp.2011.0070
20. Soroka, N.N. (2009) *Krest'yanskie pereseleniya i ikh vliyaniye na ekonomiku kazakhskogo kochevogo ayla Stepnogo kraya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Peasant Resettlement and Its Impact on the Economy of the Kazakh Nomadic Village of the Steppe Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
21. Plakhotnik, T.Yu. (2007) *Deyatel'nost' administratsii Stepnogo kraya v sfere nachal'nogo obrazovaniya kazakhskogo naseleniya v kontse XIX – nachale XX vv.* [The Activities of the Administration of the Steppe Region in the Field of Primary Education of the Kazakh Population in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
22. Vasin, K.L. (2008) *Administrativnye i sudebnye reformy 60–90-kh gg. XIX v. v stepnykh oblastyakh Zapadnoy Sibiri (Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Semirechenskoy)* [Administrative and Judicial Reforms of the 1860s–1890s in the Steppe Regions of Western Siberia (Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
23. Alishina, G.N. (2010) [Old-Timers, “Non-Russians” and New Settlers of Asian Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Conflict Factors]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Conference Proceedings Novosibirsk: Institute of History, SB RAS. pp. 86–91. (In Russian).
24. Lyubichankovskiy, S.V. (2015) Politika orenburgskoy administratsii po islamizatsii kazakhskoy stepi i prichiny ee izmeneniya v 1860-kh gg. [The Policy of the Orenburg Administration on the Islamization of the Kazakh Steppe and the Reasons for Its Change in the 1860s]. In: Churkin,

- M.K., Saburova, T.A. & Krott, I.I. (eds) *Voprosy istorii Sibiri* [Issues of the History of Siberia]. Is. 12. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 112–121.
25. Suvorova, N.G. (2016) Pravoslavnye eksperty o stepnom kolonizatore [Orthodox Experts on the Steppe Colonizer]. In: Suvorova, N.G. & Mulina, S.A. (eds) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and Empire Structures]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr “KAN”. pp. 427–433.
 26. Skopa, V.A. (2015) Vydayushchiesya statistiki Stepnogo kraya posledney treti XIX – nachala XX v.: rol' lichnostnogo faktora v provedenii statisticheskikh obsledovaniy i sotsiokul'turnom izuchenii regiona [Outstanding Statistics of the Steppe Region of the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries: The Role of the Personality Factor in Conducting Statistical Surveys and a Sociocultural Study of the Region]. In: Churkin, M.K., Saburova, T.A. & Krott, I.I. (eds) *Voprosy istorii Sibiri* [Issues of the History of Siberia]. Is. 12. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 164–170.
 27. Etkind, A., Uffel'mann, D. & Kukulin, I. (eds) (2012) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside. The Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
 28. Etkind, A. (2016) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
 29. Churkin, M.K. (2015) [Research Practices of the “New History of the Empire” in the Scientific Reflection on the Agrarian Colonization of the Steppe Region of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Desyatye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina* [Topical Issues of the History of Siberia. Tenth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin]. Conference Proceedings. Barnaul: Altai State University. pp. 62–64. (In Russian).
 30. Churkin, M.K. & Tokmurzaev, B.S. (2015) Prospects of the Agrarian Territory Development of the Steppe Region in the Colonization Plans of the Russian Power in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 196–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/29
 31. Tokmurzaev, B.S. (2016) *Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v imperskom proekte i praktikakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The Agrarian Colonization of the Steppe Region in the Imperial Project and Practices of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Omsk.

Received: 09 August 2019